

Элизабет Вернер

Высшая точка зрения

Элизабет Вернер
Высшая точка зрения

«Public Domain»

1914

Вернер Э.

Высшая точка зрения / Э. Вернер — «Public Domain», 1914

«— Да, сударыня, это уж так, и хотя история с вуалем случилась уже давным-давно и с тех пор прошло несколько веков, но подтвердится и теперь, стоит только попробовать. Если у парня есть зазноба, то он должен украсть у нее вуаль, можно и косынку, и девушка никогда не забудет его. Она будет думать о нем днем и ночью, и не сможет выкинуть его из головы, но только этот вуаль надо непременно украсть...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Элизабет Вернер

Высшая точка зрения

I

– Да, сударыня, это уж так, и хотя история с вуалем случилась уже давным-давно и с тех пор прошло несколько веков, но подтвердится и теперь, стоит только попробовать. Если у парня есть зазноба, то он должен украсть у нее вуаль, можно и косынку, и девушка никогда не забудет его. Она будет думать о нем днем и ночью, и не сможет выкинуть его из головы, но только этот вуаль надо непременно украсть.

Все это сказал старый крестьянин в шерстяной куртке и коротких чулках горца. Он только что кончил рассказывать одну из легенд, которыми богаты Альпы, и теперь с торжественной серьезностью передавал связанное с этой легендой народное поверье. Его слушали – молодая девушка и полувзрослый мальчик с большим вниманием следили за удивительной историей, тогда как два господина, расположившиеся несколько поодаль на зеленом лугу, относились к рассказу довольно равнодушно. Старший из них, пожилой господин с седыми волосами и приветливыми, благодушными чертами только улыбался, тогда как на лице молодого ясно выражалась самая ядовитая насмешка.

– Послушайте только эту ерунду, коллега, – вполголоса произнес он. – И ведь этот человек говорит тоном непоколебимого убеждения! Как еще далеко этому народу с его суевериями до яркого света разума!

– К чему тут горячиться, дорогой Норманн? – спокойно возразил пожилой господин. – Оставьте народу хоть чуточку поэзии, которая выражается в его легендах и обычаях; ведь больше ее решительно нигде нельзя найти.

– Да и незачем, – проворчал Норманн. – В жизни можно обойтись и без нее.

– Смотря когда... в двадцать лет об этом думают иначе. У меня тоже были поэтические грешки юности, я даже писал стихи. Не приходите, пожалуйста, в ужас, эти стихи посвящались моей тогдашней невесте, ставшей потом моей женой. В подобных случаях даже люди науки берутся за лиру. Впрочем, вы еще никогда не занимались этим?

– Я? Помилуйте, профессор!

– Пожалуйста, не сочтите это за обиду, – засмеялся Гервиг, – вас никто в этом и не заподозрит. Ну-с, Дора, ты наслушалась, наконец, всяких чудесных историй?

Последний вопрос был обращен к молодой особе, которая в эту минуту подошла к нему. Это была молодая девушка лет двадцати, очень миловидная, которой чрезвычайно шел темно-синий костюм туристки. Из-под легкой войлочной шляпы с голубым вуалем выглядывало розовое личико с ясными карими глазами и двумя прелестными ямочками на щеках, придававшими ему плутоватое выражение. От всего ее существа веяло счастливой веселостью и задором, свойственными только молодости.

– Ах, папа, я так люблю болтать с этими людьми, – ответила она, – а когда Сепп начинает рассказывать свои легенды, то всегда находит во мне благодарную слушательницу. Разве здесь не прекрасно? Посмотри-ка, как восхитительно лежит там внизу наш Шледорф, как сверкает озеро на солнце. А там, на вершине, вероятно еще красивее, там можно смотреть поверх гор и видно далеко кругом! Я еще никогда не была там, но сегодня мы непременно взберемся наверх. Правда, Фридель?

Она обратилась к мальчику, который также был одет в городской костюм, но потертый вид последнего доказывал, что мальчик не принадлежал к их обществу. Фриделю было лет тринадцать-четырнадцать; он был высок ростом, но худощав и тщедушен. Густые белокурые

волосы падали на бледное лицо, имевшее очень болезненный вид. Большие голубые глаза, окруженные темными кругами, не имели того веселого, жизнерадостного выражения, которое сверкало в глазах молодой девушки. Наоборот, они смотрели грустно, но, тем не менее, засветились при упоминании о чудном виде с вершины горы. Мальчик, вероятно, принадлежал к тем несчастным детям, которые растут в темных дворах без света и воздуха, жизнь которых не согрета ни одним солнечным лучом. Он бросил полуиспуганный, полувопросительный взгляд на профессора Норманна, который равнодушно проговорил:

– Конечно, мальчик тоже пойдет с нами. Кто же иначе понесет вещи?

– Я, во всяком случае, останусь здесь, – заявил Гервиг. – Последняя часть пути мне кажется очень трудной, и говорят, до вершины еще добрый час ходьбы. Вы без сомнения не откажетесь взять мою дочь под свое покровительство, милый Норманн?

Молодая девушка, по-видимому, была вовсе не в восторге от навязанного ей спутника. Откинув голову назад, она насмешливо проговорила:

– Но ведь профессор Норманн совершенно равнодушен к красивым видам.

– Что же делать, раз у меня нет способности любоваться красотами местности? – последовал довольно нелюбезный ответ.

– Зачем же вы тогда вообще путешествуете?

– Для научных исследований, больше ни для чего.

– Вам совершенно незачем так выразительно подчеркивать это, – расхохоталась Дора. – Я вовсе не подозреваю вас в том, что вы собираетесь отправиться на поиски вуая, как тот молодой охотник, о котором только что рассказывал Сепп. Вы ведь слышали?

Профессору, очевидно, не понравилось, что осмеливались шутить с ним, и он чопорно выпрямился.

– Может быть, вы лично еще находите удовольствие в детских сказках, я же, к сожалению, не могу разделить его, – произнес он, отходя в сторону к большой скале, и, сняв с камня мох, стал внимательно рассматривать его.

– Фу, как немилостиво! – вполголоса насмешливо проговорила Дора. – Папа, на этот раз ты подцепил ужасно нелюбезного спутника.

– Да, любезным Норманна назвать нельзя, – согласился Гервиг, – он очень даже добросовестно старается доказать обратное. Надо видеть его с глаза на глаз, чтобы узнать его истинную натуру. Я уже говорил тебе, что его научные труды имеют громадное значение, и он обладает всеми данными, чтобы сделаться известностью в своей области.

Лицо Доры ясно выражало, что совсем незначительный, но более веселый спутник был бы ей гораздо приятнее, чем эта нелюбезная будущая знаменитость.

– И нужно же ему было поселиться как раз в Шледорфе, где мы живем! – воскликнула она. – Если бы он хоть оставлял нас одних во время прогулок в гору! Нет, всегда увяжется с нами и только портит мне удовольствие своим озлоблением и бессердечными насмешками.

Отец ничего не возражал, так как в глубине души был того же мнения. Несмотря на все уважение к Норманну, характер последнего совсем не нравился Гервигу, и его часто коробили резкость и бесцеремонность молодого профессора; однако он не мог ничего поделать, когда коллега, которого он случайно встретил в Шледорфе и которого уже знал много лет, присоединился к ним.

– Видно, он мало вращается в обществе и редко бывает с людьми, – уклончиво ответил он, – Это – ученый, дитя мое, у которого в голове только наука и который не привык несколько считаться ни с чем другим.

– Да несколько! – рассмеялась Дора. – По его мнению, я вовсе не имела бы никакого права на существование, если бы не имела счастье быть дочерью своего отца. Я думаю, он с удовольствием усадил бы меня в какое-нибудь ущелье; если же я еще, к довершению всего,

начинаю смеяться, то у него всегда бывает такой вид, как будто он собирается немедленно проглотить меня всю целиком.

Последнее утверждение было, по-видимому, не безосновательно, так как возвращающийся Норманн сделал ужасно свирепое лицо, когда свежий, звонкий девичий смех долетел до него. Профессору было лет около сорока, но на вид ему можно было дать больше. Мрачные морщины на лбу и резкая складка около рта также вовсе не служили его украшению; что же особенно портило его наружность и придавало ей почти устрашающий вид, так это густые черные волосы, торчавшие вокруг головы, как грива.

– Я думаю, нам пора идти, – кратко произнес он. – Значит, вы останетесь здесь, коллега?

– Да, останусь тут и поболтаю с Сеппом.

– Желая вам много удовольствия при этом изучении народной поэзии; только прошу вас заранее не рассчитывать на мое сотрудничество! – сказал Норманн своим бесцеремонным тоном. – Вперед, Фридель, бери вещи! Пожалуйста! – обратился он к девушке.

Дора попрощалась с отцом, тогда как Фридель нагрузил на себя довольно тяжелую сумку, зонтик и другие вещи профессора, и затем все трое двинулись в путь. Сначала дорога шла под густыми, тенистыми елями, затем стала петлями круто подыматься вверх по совершенно открытому месту. Солнце палило все сильнее. Это было довольно трудное путешествие, но молодая девушка легко преодолевала все препятствия, свободно и уверенно поднималась в гору. Ее спутник также не выказывал никаких признаков утомления; ему только стало жарко, и он вдруг остановился.

– Фридель, возьми-ка мой плед, – сказал он и только теперь заметил, что мальчика не было позади его. – Куда же он пропал? Кажется, он опять не может поспеть за нами; вон он ползет, как улитка.

Дора также остановилась и оглянулась.

– Вам следовало его оставить внизу, – ответила она, – ему так трудно нести тяжелую сумку; этот путь слишком труден для него.

– Оставить внизу? – повторил Норманн. – Зачем же я тогда брал его с собой? Ведь не для того, чтобы доставить удовольствие ему. Он должен нести вещи; у меня вовсе нет никакой охоты таскать их в такую жару.

– Но он городской житель и не может подниматься на горы.

– Пусть учится. Четырнадцатилетний парень и не может подыматься на горы! Вон он идет, наконец, но еле передвигает ноги... Живей, Фридель!

Мальчик, действительно сильно отставший, подошел теперь к ним. Лоб его был покрыт крупными каплями пота, а лицо, несмотря на жару, было совершенно бледно; его узкая маленькая грудь дышала тяжело и порывисто. Несмотря на это, он послушно протянул руки и поймал плед, брошенный его хозяином.

Однако Дора не намерена была допускать, чтобы бедный мальчик был нагружен еще больше.

– Сядь, Фридель, и отдохни, – выразительно приказала она. – Ты ведь не можешь идти дальше. Дай мне плед, я возьму хотя бы эту толстую шаль, если она слишком тяжела для господина профессора.

Она действительно собиралась сделать это, но тут профессор вероятно сообразил, что это не совсем удобно; он проворчал что-то непонятное, вырвал у измучившегося мальчика плед и бросил его к себе на плечо, кинув при этом злобный взгляд на девушку, позволившую себе подобное вмешательство, да еще давшую ему, хотя косвенно, очень чувствительный урок.

– Ну, так отдыхай, – буркнул он. – Сбиться с дороги тут нельзя; можешь, так уж и быть, потом догнать нас.

Это разрешение было произнесено крайне резким тоном. Фридель выслушал его молча, но по тому, как он опустился на камень, можно было видеть, что он действительно не в состоянии идти дальше.

Между тем Норманн, по-видимому, совершенно не понимавший, как можно утомиться от такого маленького подъема, бодро двинулся в путь. Заметив, что его спутница часто тревожно оглядывается, он насмешливо спросил:

– Кажется, вы очень равнодушны к Фриделю?

– Мне его жаль, ему живется очень тяжело.

– Вот как? А мне казалось, что ему хорошо так, как только вообще может быть мальчику в его положении.

– Вы, может быть, считаете за счастье быть сиротой и жить у чужих людей?

– Разве Фридель – сирота? – с некоторым удивлением спросил профессор.

– Вы этого не знали? Но вы ведь знакомы с ним два года, как он мне рассказывал.

– Знаком? Я знаю, что он живет во дворе и каждый день приходит чистить мне сапоги, и так как он – тихий мальчик, то я взял его к себе в услужение. Моя старая ключница трещит целый день без умолка, а потому я не пускаю ее в кабинет. Фридель знает, что не смеет разинуть рта, и отвечает лишь тогда, когда его спрашивают, я его так воспитал.

– Я уже заметила это воспитание, – съязвила молодая девушка. – Мне стоило большого труда заставить его говорить, когда он так печально и молчаливо смотрел, как я рисую. Он ведь счастлив, когда я ему позволяю смотреть; притом в его робких замечаниях нередко проявляется замечательное художественное чутье.

– Художественное чутье! – Норманн презрительно пожал плечами. – Это – только прелесть новизны, потому что ни дома, ни у меня он не видал ничего подобного. Он вечно торчит в вашем саду и, кажется, уже успел рассказать вам всю историю своей жизни! Мне ведь некогда заниматься такими вещами!

Презрительный, насмешливый тон разозлил молодую девушку. Ее обычно мягкий голос прозвучал очень резко при ее ответе:

– Это значило бы слишком многого требовать от вас, господин профессор; но мой отец, который ведь тоже человек науки, всегда говорит мне, что в каждом человеке можно отыскать искру священного огня, для этого нужно иметь только сердце да немного любви к ближнему. Ну, да это конечно не всякому дано.

– Ого, это в мой огород! – с негодованием воскликнул Норманн. – По-вашему, я вероятно – бессердечное чудовище?

Взгляд Доры на мгновение остановился на лице профессора, а затем она с нескрываемой насмешкой ответила:

– Вы сами так называете себя. Я выразилась бы немного мягче.

Профессор пришел в ярость от этого ответа. Эта Дора вообще ужасно не нравилась ему; сейчас было видно, что она – единственная дочь, избалованная во всех отношениях. Эта дерзкая девчонка не питала никакого почтения к профессору, обращаясь с ним, как с равным, противоречила на каждом шагу и даже осмеливалась читать ему нотации. Норманн еще никогда не злился так, как здесь, в Шледорфе, где думал всецело предаться своим занятиям, и где этот сорванец со своим звонким смехом портил ему все настроение. Бедному Фриделю больше всего приходилось страдать от скверного расположения духа своего хозяина, и теперь он должен был служить громоотводом для той грозы, которую вызвало последнее замечание девушки.

Мальчик, отдохнув минут десять, снова отправился в путь. Сверху было видно, как он торопится, чтобы догнать ушедших, и вдруг свернул на узкую, крутую тропинку, срезавшую большой кусок дороги. Это еще больше усилило гнев профессора.

– Что это ему вздумалось лезть туда? – закричал он. – Пусть предоставит это козам... Фридель! – крикнул он. – Нет, не слышит.

– Фридель, не надо взбираться туда! – закричала Дора, замахав руками.

Однако мальчик, вероятно, не понял возгласов или побоялся спуститься и продолжал карабкаться наверх.

– Он все-таки недурно лезет наверх, – заметил Норманн, останавливаясь, – и, по-видимому, не подвержен головокружению. Все-таки опасная штука – взбираться по этой тропинке. Я не ожидал этого от такого мямли.

– Фридель – вовсе не мямля, – спокойно возразила Дора. – Он только забитый, болезненный мальчик, который совсем погибнет у своих воспитателей. Если бы он был в Гейдельберге, я не допустила бы это.

– Нечего сказать, большую услугу оказали бы вы человечеству, вырастив такое хилое растение! – ответил профессор, не замечая упрека, заключавшегося в последних словах Доры. – Посмотрите только на мальчишку! У него, вероятно, будет чахотка; он нигде не сможет работать и будет всю жизнь в тягость себе и другим; чем раньше он погибнет, тем лучше. Вам решительно незачем смотреть на меня с таким негодованием, я говорю вполне серьезно. Вы, конечно, придерживаетесь другого взгляда, основываясь на так называемой любви к ближнему. Это очень красиво, удобно, но в большинстве случаев крайне не неразумно. Существует еще другая – высшая точка зрения, которая не основывается на красивых словах, но приходит к разумным выводам. Конечно, она не для женщин, которые никогда не поднимутся на такую высоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.